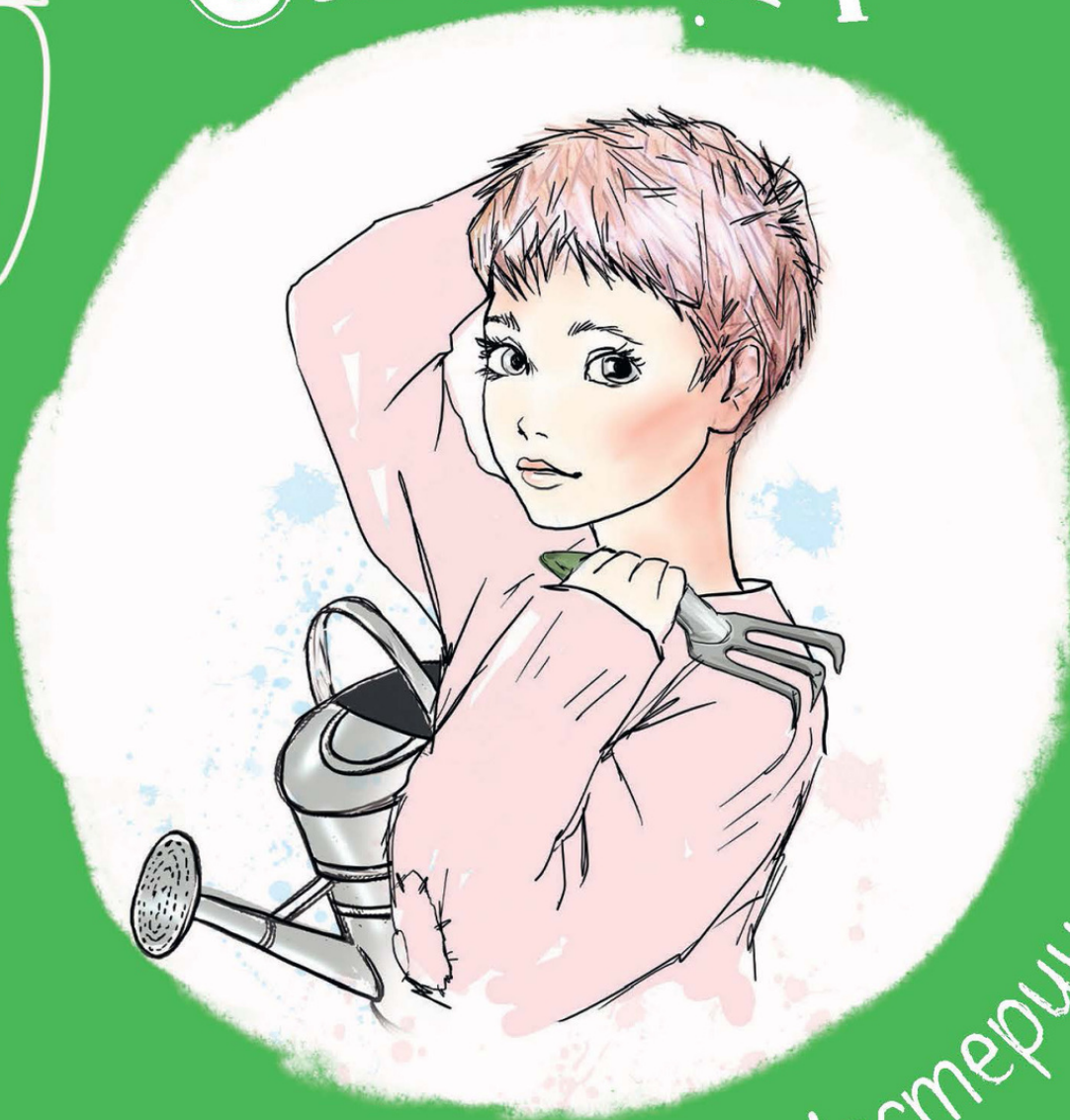
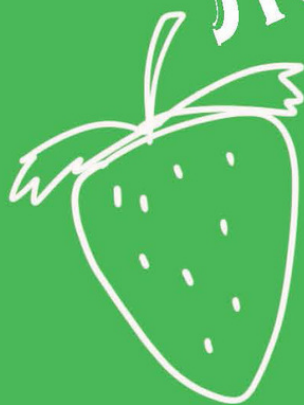

ЛУЧШАЯ ПАРОЧКА СЕЗОНА

Елена Нестерина

Елена Нестерина

Лучшая парочка сезона

«Елена Нестерина»

2006

Нестерина Е. В.

Лучшая парочка сезона / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина»,
2006

ISBN 978-5-51-702003-1

Варя Тобольцева – девочка-ужас. Её боится весь дачный поселок. Она грубит, ругается, ворует огурцы с чужих участков, а потому приличному мальчику лучше держаться от неё подальше. Так считала мама Руслана, с которым Варя решила подружиться. Руслан послушался маму и предал свою подругу. Стало быть, дружбы нет, любви нет, верить никому нельзя... А может, всё не так? И Руслан не предатель, и Варя – никакой не ужас, а девчонка, что от зари до зари трудится на огороде, да ещё и пытается поймать дачных воров. Так бы никогда не разобралась эта парочка в своих отношениях, если бы не появился... третий. Возможно, лишний...

ISBN 978-5-51-702003-1

© Нестерина Е. В., 2006
© Елена Нестерина, 2006

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Елена Нестерина

Лучшая парочка сезона

Глава 1

Каникулы на галерах

Вот уже закончилось лето, теперь не будет жарких дней, банно-тёплых вечеров и тревожных ночей – а мне так и не удалось бросить в туалет соседям пачку дрожжей! А как они испуганно носились прошлым летом, когда их деревянный домик в конце дачного участка вдруг забурлил и скособочился... Как удивлялись и кляли погоду! А это всё я, я – маленький народный мститель! Но они этого не узнали, зато помучились изрядно – ведь сортир вышел из берегов, поплёр верхом, а затем поплыл и затопил не только их, но и соседей с другой стороны. Так что и выкручиваться им пришлось долго. Так им и надо, так и надо – за все их гадкие дела!

А делишки соседи проворачивают, вернее, проворачивали, гнуснейшие, это факт. Я – свидетель. Потому что вообще всё лето живу на даче, так что всё-превсё тут знаю. И вижу – ведь бабка поднимает меня ни свет, ни заря: то огурцы поливать, то полоть, а в основном просто так, по вредности своей рано будит, чтобы мне жизнь мёдом не казалась. Вот такая вот у меня бабка, и ничего тут не попишешь.

Но соседи... Наглые хмыри. Однако, признаться честно, в это лето им и без дрожжей хорошенько досталось на орехи. Только и мне ох как не сладко пришлось... Так что теперь вот сижу я тут, размышляю, анализирую... Нет, лучше всё по порядку.

Я, Варвара Тобольцева, живу на даче с мая месяца. Да, как начинается сельскохозяйственный сезон, так тут и я. С бабкой. Безвылазно. Школу приходится заканчивать кое-как, бросать занятия почти за месяц до окончания учебного года, уезжая из Москвы на дачу. Но я привыкла. Да и учителя смирились. Мы с бабкой помогаем нашей семье наладить благосостояние. Родители и старший брат как папы Карло трудятся в Москве, а мы на даче.

Когда-то у нас был просто участок в дачном поселке. Но несколько лет назад родители решили выйти на более высокий экономический уровень, составили бизнес-план, смету расходов – и купили ещё один участок рядом с нашим. Влезли в долги, но построили на этом участке большой красивый коттедж. И теперь мы сдаём его дачникам нового типа.

Да, всё изменилось в нашем поселке Листвянка. Он находится в очень какой-то приятной и полезной для отдыха зоне, поэтому все поняли, что отдыхать тут у нас – хорошо. Скоро рядом с обыкновенным дачным кооперативом, где были только огороды и жалкие самопальные «курятники», вырос посёлок из таких же, как и наш, красивых коттеджей и даже особнячков. И стали отдыхающие из Москвы снимать их на лето.

Появились дачники и в нашем коттедже. А мы с бабулей находимся при них. За порядком в доме следит бабка, а мои обязанности – подстригать газоны, убирать по участку мусор. И так далее, и тому подобное. Дачники платят. Я и убираю. Разве я враг своим родителям?

Да, мелькать перед глазами отдыхающих мне тоже запрещено, вот поэтому и приходится вставать очень рано – или ждать, выбирая время, когда я нашим дачникам точно мешаться не буду. Это такое условие.

Живём мы с бабкой на самом краю нашего участка. Там, спрятанный за кустами, вишневыми и сливовыми деревьями, стоит крошка-сарайчик под названием бытовка. С печкой, правда, и даже с телевизором. Вот в таком сарайчике мы с бабулей и обитаем. Поспать-поесть место имеется, а что ещё надо? У нас есть и баня-сауна, тоже свежестроенная, крутая такая –

мы её для дачников топим, когда им захочется попариться. Но и сами, конечно, моемся – это право я сразу для себя отстояла.

Но это ладно. Чтобы расплатиться с долгами за дом и начать получать прибыль, денег надо много. Поэтому ещё – там, в деревне под названием Листвяны, что находится недалеко от нашего посёлка, у нас есть плантация. Огородище о-го-го! Там растёт ВСЁ! Всё растёт! Вырастает – и продаётся. Да, реализовываются мною и бабкой населению на придорожном рынке. А чтобы урожай качественно созрел и имел товарный вид, нужно за всеми посадками ухаживать. Вот я и вкалываю, как раб на галерах. Так проходят мои летние каникулы.

Наш участок – это последний дом на границе, эдакое маркграфство. Когда посёлок разросся и стал местом для элитного отдыха, участки с новыми коттеджами стали строить туда – влево, в сторону соснового лесочка, а не в зоне «курятников». Поэтому наш участок, что был на самом краю кооператива, и оказался на границе. Так что в «новой» части Листвянки только отдыхали, а обитатели «старой» части выращивали продукты. Которые и продавали этой самой «новой» части, а также тем, кто оказывался на нашем большом рынке возле шоссе. Нет, это я преувеличиваю, конечно, – многие наши дачники из «старых» – пенсионеры и овощеводы-энтузиасты, для себя еду выращивали. Чтобы зимой питаться.

А в деревне Листвяны жили обычные деревенские. У тех хозяйства были ещё круче – с коровами, козами, овцами, кроликами. Деревенские вкалывали вообще как проклятые. Что взрослые, что ребята.

Я всю молодежь тутошнюю знала – и наших – «старопоселковых», и деревенских. С отдыхающими из коттеджей, (тоже молодежь имеется в виду), сталкиваться особо не приходилось. У них свои приколы. Да их никого и не увидишь на улицах посёлка. Никогда. Они с нами не гуляют – или по дачам сидят, за заборами не видно, что там у них происходит, или усядутся с родителями на машины и укатывают отдыхать на водохранилище. Там классно, конечно – на гидроциклах рассекают, моторки туда-сюда гоняют, яхты с парусом. Ладно, чего об этом говорить – у меня свои тут заморочки, не до гидроциклов.

Мы в речке тоже купаемся неплохо. Хорошая у нас рядом с посёлком и деревней речка течёт, чистая. Вечером поселковые (в смысле обыкновенные) тусуются на одном берегу реки. А деревенские на другом. У них там лучше – пляж с песочком. Зато у нас «тарзанка» на дереве прямо над водой висит – прыгай-обпрыгайся.

С деревенскими у наших «дачных» сейчас мир. Те их не трогают, и деревенские их не задируют. Но нашим на тех ребят, конечно, лучше вообще батонов не крошить – потому что компания у тех, кто живёт на дачах, какая-то такая неконкретная. То кто-то приезжает, то уезжает. А деревенские всегда тут, на месте. Местные. Поселковые это понимают – и лишний раз не нарываються. Но к августу обычно на дачи наезжает море народу (жратва, понятное дело, созревает, вот городских гавриков и сплавляют попастись). Поэтому «наши» начинают чувствовать себя «силой» – и ситуация меняется. Мне труднее – потому что я и «наша», и «ваша». В смысле полдня дачница, а полдня деревенская (раз на огороде пашу). Так что даже хорошо, что мне некогда – в разборках нет времени участвовать. Наши девчонки, конечно, ни в каких драках не фигурируют, но у них тоже в периоды войны дел полно – хотя бы, вот к примеру, с гордым видом проходить мимо деревенских и демонстративно с ними не здороваться. В знак презрения.

Но дачников из «новых», буржуев, как иногда бабки их называют, никто не трогает. И наши, и деревенские делают вид, что их нет. Не замечают, игнорируют. Или это они нас игнорируют, не знаю. У нас в Листвянке ещё есть двое таких, как я, – ну, тех, у которых на специально оборудованных дачах отдыхают семейки. Так что на тусовках эти ребята рассказывают про нелёгкую жизнь отдыхающих, за которой они, находясь «при хозяйстве», и наблюдают. Все ждут этих историй с нетерпением. Даже деревенские послушать приходят.

И я могла бы рассказать – да нечего было. Ничего интересного, в смысле. Два предыдущих лета подряд у нас отдыхали только семейства с малышами. Первый этаж мы одной семье сдавали, а второй этаж – другой. Что про малышей и их родителей рассказывать? Да ничего особенного. А в это лето объект наблюдения у меня появился...

Конец мая и июнь всё было обыкновенно. На первый этаж нашего коттеджика заселилась прошлогодняя молоденькая тётенька с девочкой трех с половиной лет, которую звали Мурзик. Мурзик – это Маша, очень даже покладистая такая, хорошая девочка. Выход с их части дачи, то есть первого этажа, был в сторону улицы. Так что мы этих граждан и не видели никогда. Маша носилась там где-то туда-сюда по тщательно выбритому мною газону. Мать ее сидела в шезлонге, читала или слушала музыку, заткнув уши наушниками, или болтала по телефону. А то садилась в машину и укатывала вместе с Мурзиком на целый день – купаться или ещё куда-то. Да, у них имелся ещё отец – но он бывал тут у нас не каждый день. А если приезжал, то поздно, укатывал в Москву рано утром. И тоже тихий такой, интеллигентный. Хорошая, в общем, семейка, беспроблемная.

А на втором этаже, крыльцо которого было повёрнуто как раз к нам во двор – и территория эта, надо сказать, немаленькая, раза в два больше той, где Мурзик с мамой резвились, поселилась в это лето представительная новенькая дачница – дамочка с малышом лет примерно двух. Ох и давал жару всем этот малыш! Тимочка, то есть Тимофей. И матери своей, и няньке, которая оставалась с ним, когда мать подхватывалась и уматывала куда-нибудь прогуляться. Вопли его были слышны, наверно, даже в деревне.

По выходным к ним приезжал папаша. Или папаша с гостями – и тогда начиналась гульба: шашлыки, барбекю, музыка и беготня. Нянька с Тимофеечкой переезжали тогда в нашу бытовку (за это нам платили отдельно), мы с бабушкой шатались где-нибудь – до тех пор, пока они не выметутся.

А умница Мурзик спала себе в большом доме. Под музыку и пьяные вопли. Её маманьку и папаньку, (если он оказывался тут), обычно тоже звали на пикник – который в пятницу и субботу затягивался до глубокой ночи.

И ничего. Мусора только потом много оставалось. Бабка меня ещё и их бутылки отправляла сдавать. Бизнес, блин...

Тимочка же бузил в нашем сарайчике, тиранил няньку – и та билась с ним в одиночку. Моя бабка, правда, пару раз его умирjala – когда бедную девчонку он доводил до белого каления. И шёлковым Тимофейка становился. Ему бы бабулю мою в няньки нанять – из него сразу бы человек вышел. А так пока какой-то гнус капризный растёт.

Но в середине июля к Тимофейке присоединился его старший братец. Я узнала об этом в редкий миг отдыха – когда валялась на берегу речки.

– Варька, тебе жениха привезли! – на всех парах примчавшись на пляж, выпалила Натаха – наша местная сплетнеразносчица. Девчонка она ушастая, глазастая, шустрая – мимо такой ни одна информация не проплывала.

Все сразу оживились: какой жених? Куда привезли?

И Натаха рассказала про нового дачника, что поселился у нас. Тимофеев брательник, парень четырнадцати лет. О том, что он заявится, жильцы со второго этажа, оказывается, бабушку мою заранее предупреждали. Это я уже после узнала. А бабан мне не соизволила вовремя сообщить. Я бы подготовилась. Эх...

Все, кто был на речке, конечно, ту же начали представлять, какой у нас с ним закрутится роскошный роман. Я сидела терпела. А куда было деваться? Смотраться от них тут же – сразу начнут смеяться, что побежала смотреть своего женишка. А начать огрызаться – вообще запозорят. Я сидела-сидела, изредка презрительно хмыкая. Им лениво стало в конце концов прикалываться, и тема переменилась. А как только кое-кто из ребят наладился уходить, подхватила и я.

Конечно, на жильцовского старшего сыночка посмотреть хотелось. Четырнадцать лет! Как и мне. Крутой, наверно, невозможно как, понтовый. Посмотрим...

Глава 2

Девочка с рынка

Его звали Руслан. Он сам так мне представился. Потому что, попав на наш участок, я тут же на него и наткнулась. Я только в маленькую калиточку вошла, что была в самом углу нашей, хозяйственной части. А он, Руслан этот, тут как тут – шатается вдоль деревьев.

– Что ищем? – спросила я. Это наша, кстати, уже территория, обслуживающего персонала. Так что вполне нормальный вопрос – что он, в смысле дачник, тут делает.

– Ой... – тут же вскинулся Руслан. – Я это... Мяч ищу.

– А-а... – деловито кивнула я. И показала рукой под вишню. – Вон он. Можешь взять.

Белый футбольный мяч действительно лежал там, в траве. Дачнику его не было видно.

– Спасибо. – улыбнулся юный дачник, наклонился и поднял мяч. Подошел ко мне и сообщил. – Я – Руслан. А тебя как зовут?

– Варвара. – я постаралась сказать это как можно достойнее. И, кажется, у меня получилось.

– Вы тут живёте? С бабушкой? – поинтересовался Руслан, перекачивая мяч в руках.

– Да.

– Мне мама сказала.

– Понятно.

– А я только сегодня сюда приехал. – Руслан был само дружелюбие. – Теперь вот тут. До конца лета. Так что будем знакомы.

– Будем. – я снова по-королевски кивнула. И хотела ещё что-нибудь эдакое загнуть, но тут от дома послышался требовательный голос Руслановой мамы, нашей гранд-дамы, как я про себя ее называла.

– Иду, мам! – крикнул в ответ Руслан, кивнул мне с наиприветливейшей улыбкой и торопливо зашагал на зов.

Я осталась под вишнями. Да, очень даже ничего такой Русланчик оказался, даже симпатичный. В белой футбольной форме, в кроссовочках таких зашибенных. А загар какой! Шоколадный, без всяких яких, натурально шоколадный – благородно коричневый. Со светлыми блондинистыми волосами такой загар отлично смотрится! И глаза у этого Руслана оказались голубыми – или, может, просто на пляже выцвели? Потому что где-то на морях он явно долго отдыхал – это и хомячку понятно...

Раздался голос и от нашего домишки – это бабанька меня потеряла. Стало быть, отдых кончился – пора мне было на мои галеры.

– Иду!

И я поплелась с бабкой в деревню. Долго, до самого вечера, пока солнце не зашло и видно уже ничего не стало, мы рвали с бабулей чёрную смородину. Её у нас уродилось просто пропасть! Да ещё крупная такая, практически с вишню каждая ягода. Рвали мы, рвали, нарвали большое ведро и ещё пятилитровое.

– Завтра на рыночек отнесём, Варька! – потирала руки бабуля. – Хороша, хороша смородинка!

Это значит, завтра вставать ещё раньше, чем обычно – быстро сбегать полить здесь огурцы и помидоры с перцами в теплицах, а к открытию придорожного рынка мчаться туда и стоять торговать. Вместе пойдём, отвертеться мне никак не удастся – бабка в парнике ещё и сумку огурцов надрала, так что это всё она одна никак не донесёт...

Про Русланчика я старалась не думать. Но он, прямо как нарочно, так и не шёл у меня из головы. Его бы на эти плантации – сидеть под кустами, тупо обрывать ягоды шоколадными

пальчиками... Я всё смотрела на свои руки, загоревшие неровно – где-то до черноты, а где-то, на внутренней стороне, совсем белые. Жалко – трудовой загар не пляжный, никакой красоты...

А интересно, думалось мне уже по дороге, когда мы с бабкой, гружёные, как вокзальные носильщики, плелись в темноте к посёлку, что наш дачник молодой сейчас делает? В телефоне играет? Кино смотрит? Или тушку свою загорелую в душе моет? А может, уже тусуется на Весёлой даче?

Была в элитной части нашего посёлка так называемая «Весёлая дача» – день и ночь оттуда доносилась музыка, смех, радостные вопли. Там жила одна взрослая девица и её сестра – или моя ровесница, или где-то на год помладше. Вся та «золотая» молодёжь, которая не хотела знаться с нашими, обычными поселковыми, как раз там и собиралась. Родители всех таких принцев, типа нашего Русланчика, всегда знали, что дети их – там. Чувствовалось, что на этой дачке реально хорошо – жалко только, что из-за высокого кирпичного забора видно ничего не было. Но наши, поселковые, любили ходить вдоль этого забора туда-сюда и строить предположения, что там за ним такое происходит. Слышно было, как кто-то носился с топотом по теннисному корту – потому что мяч об ракетку громко хлопал, слышно, как с визгом плюхался кто-то в бассейн, как вечером танцевали на улице, жарили шашлыки, запах которых даже местные собаки нюхать прибегали. Прибегали и сидели, смешные такие, под забором. Тоже, наверное, мечтали себе там что-то...

Вот и Руслан, скорее всего, уже на Весёлой даче освоился. Мама его за ручку туда уже отвела. Или сам помчался. К «своим»!

Когда мы добрались до дома, я плюхнулась спать – укатала меня сегодня бабуля. И ничего подумать больше не успела.

Спала я до половины пятого утра – как раз в это время бабка меня разбудила, чтобы по холодку полить в парнике и теплицах. И шпарить на рынок.

И мы полили, и мы на рынок примотали, и встали в ряды торговать. Я отвечала за смородину, бабка за разномастный товар – огурцы, малину, зелень.

И вот уже я почти втюхала тёеньке за хорошую цену большое ведро смородины, как... невдалеке, почти рядом с нами, увидела всё того же Руслана! Почему-то стало так стыдно... Хотя из-за чего? Я же сорванными собственными трудовыми руками ягодами торгую! Но мне хотелось провалиться сквозь землю. И я провалилась бы, но асфальт был твёрдым. Вместо этого я присела, согнулась в три погибели, да ещё и панамкой всю физиономию закрыла.

– Девушка, ну что? – кричала мне покупательница. – Я беру. Держите деньги. И давайте, высыпайте смородину мне в ведро.

Но я продолжала сидеть и только мотала головой. Уйдут они сейчас, уйдут... А покупательница на нашу смородину и другая отыщется!

Тёенька поквохтала ещё пару минут и смоталась – я видела, как прошлёпали в сторону ее ноги в босоножках на тракторном ходу.

Но хорошо, что я голову не успела поднять – потому что тут же подошли другие ноги. В шлёпанцах на острых «шпильках», с малиновым педикюром. И я хорошо знала, чьи это ноги... А рядом с ними – конечно же, вчерашние роскошные кроссовки!..

– Так, огурцов мы купили... – проговорила Русланова мать. – Смородинки... Руслик, смотри, какая крупная смородина. Давай возьмём.

– Не хочу, ма... – капризно заявил Руслан. – Пойдем персиков купим. Во-он там, видишь, персики.

– Этого сезона? Не обработанные химией? – раздалось над моей незадачливой головой. – Ты уверен? Спроси, сынок, обязательно, откуда привезли эти персики. И только тогда покупай. Понял меня, сына?

– Да, да! – уверенно отвечал Руслан. И, видимо, ушёл. Потому что и кроссовки его скрылись с моих глаз, и голос слился с шумом рыночной толпы.

Фу-у, пронесло! Не заметили! Как мне полегчало... Но стыд остался. Хотя какое мне дело до маменькиного красавца Русланчика... «Руслик» – ну надо же такую гадость придумать! Взрослого парня так называть – как всё равно кролика какого-то... Гранд-мамаша меня теперь начала бесить, прямо просто на дух я её, мне казалось, не могла с этого момента выносить. А всё из-за моего позора...

Я не слушала, как ругала меня бабка за то, что я упустила такую хорошую покупательницу – в смысле ту, оптовую, на тракторном ходу, которая всё ведро, не торгуясь, собиралась купить! Ругала, конечно, по делу – мы из-за этого ещё лишних полтора часа на рынке проторчали – и солнце палило нас немилосердно. День особенно жарким сегодня обещал быть, если с утра уже такое пекло. Но я стояла, продавала. Почему-то не хотелось на дачу идти – с Русланом этим встречаться.

Так что на огород – собирать с картошки колорадских жуков, я отправилась прямо-таки с удовольствием! Даже есть не стала – хотя бабка много вкусного на стол выставила. Того, что после удачных торгов на рынке купила.

Собирать жуков на самом пекле – занятие не для слабонервных. Да хоть и не на пекле – всё равно противно. Нудно и гадко. Колорады – твари противные и беспощадные, жрут картошку со всех сторон. Личинки обжирают листья, а взрослые вгрызаются в сами клубни, проедают в них круглые дырки – и такая картошка уже на фиг никому не нужна. Урон они наносят просто катастрофический, если не убивать их химическим путём. А бабка моя не хочет картошку опрыскивать – опасно, типа. Самим же её и есть. Да и зачем опрыскивать, если есть я – бессловесная рабочая сила, которая вручную и совершенно бесплатно всех паразитов и оберёт...

Неизвестно, кто из колорадикиов хуже и вреднее – взрослые полосатые монстры, конкретные жуки, или их дети – большие и маленькие личинки. Крупные личинки – розовые с мелкими тёмными точками по бокам, мягкие такие, просто мерзопакостная биомасса какая-то! Их тушки похожи на пузатые дирижабли, берешь такую гадость пальцами, и прямо тошнота подкатывает. Но их зато с веток снимать легче всего – крупные всё-таки. Маленькие же так облепливают листик со всех сторон, что их не оторвать. Пока стащишь – половину на землю стрясёшь, половину подавишь. Перчатки тут же жёлто-коричневыми становятся от жижи, в которую личинки превращаются – и кажется, что эта вредоносная субстанция сейчас резину прожёт и на моей коже окажется. Фу, в общем.

А полосатые взрослые очень хитрые – они не такие медлительные, как глупые личинки, поэтому стараются уползти, спрятаться. Вот и ходишь вдоль гряд, собираешь их в баночку с керосином. Стараешься, чтобы унять отвращение, думать о чём-нибудь хорошем.

Я думала, – вот ведь блин! – о Русланчике. Конечно, сначала о том, что его бы сейчас сюда, побороться за урожай... Потом о том, как и где он сейчас отдыхает... Прямо как замкнуло меня.

А потом пришли ребята деревенские, встали около ограды.

– Привет, Варька!

– Привет! – крикнула я, разгибая спину.

Там, у края нашей фазенды, стояли Колька, Маринка и Страшный. Страшный – это кличка Володьки Страхова. Ну и так, наверно, он сам по себе был страшноват. Я, правда, особо никогда не приглядывалась, но раз люди так зовут, то, наверно, точно. Страшный. Раз так удачно кличка совпала.

Мы поболтали с ними о чём-то таком обычном – кто где недавно был, кто когда купался, кто и во сколько сегодня на речку идти собирается. Я сначала стояла, пока с ними разгова-

ривала, а потом снова двинулась вдоль гряд картошки, собирая полосатых и розовых гнусов. Деревенские продолжали со мной болтать, с интересом смотрели, как я кидаю вредоносных насекомых в жестянку – но помочь не предложили. Я совершенно не обижалась на это: потому что они это не из жлобства, им не «запало», просто у самих у них у всех есть такое же занятие, сами к своим жукам сейчас отправятся, так что кому-то помогать в этой ситуации глупо.

Потом они ушли. А я осталась. И до тех пор, пока бабуля не прискакала. Вот ведь человек неуёмный. Старая, а ей хоть жара в сто градусов, хоть ветер с Заполярного круга – она всё равно приползёт на свои плантации и будет с упоением трудиться! Так что теперь жуков собирала она, а я отправилась на дачу. Бабка велела убираться как следует на участке – потому что я типа два дня уже как забила на это дело, лодыря гоняю. Что, кстати, абсолютная правда. Не убиралась. Забила ...

Возле моста через речку мне попала наша дачная компания. Решительные все такие, прямо как забастовщики.

– Ну, что там твои деревенские?

– Ничего им так живётся?

– Рожи не трескаются? – это они мне, значит.

Ещё через пару реплик стало понятно: наши собираются деревенских бить. Да, не деревенские наших, а наоборот! А за что? За воровство.

– Я знаю, знаю! – захлёбываясь, возмущалась Натаха, и остальные ей активно поддакивали. – Там в деревню пацан приехал. Малолетний вор-рецидивист! Он всё время с участков всё таскает! Вот он местных и подбил. Так что все теперь всё...

– Перемирие заканчивается. – заявили пацаны.

Это было серьёзное заявление. С деревенскими нашим не справиться. Наших мало. И без тельняшек. И, самое главное, без подтвержденной информации. Ведь вора за руку никто не поймал.

Да, самого вора за его непосредственным занятием никто не видел, но за последнее время с дачных участков испарились прямо из теплиц и с грядок много огурцов, кабачков, даже зелёные помидоры кто-то у бабки Капранихи ободрал. А у одних вишни подчистую кто-то все сорвал. А вишни – это такая вкусная вещь... У нас в посёлке они ценятся больше всего. Это раньше, говорят, их много было, а сейчас то мёрзнут они зимой, то весной цветы морозом бьёт, то ещё что-нибудь. Поэтому все своими вишнями гордятся, если они вызревают.

– А до этого и клубника пропадала!

– Да! И у нас!

– А у нас куст смородины чистенький! Как ничего не было! – пока я думала про вишни, бушевали наши.

– А у нас даже картошки молодой кто-то целый ряд выкопал! Мелкой совсем.

– Вот ублюдки жадные!

– Да. Моя мать аж плакала!

– В общем, видели деревенских вчера у нас в посёлке. – подвел итог Борюсик – пятнадцатилетний прыщеватый оболтус, большой любитель подраться.

– Ясно. – я понимающе покачала головой. И предложила ещё подумать. Подождать, когда появятся улики, что ли, какие-нибудь. Или доказательства. Или дотерпеть до того момента, когда бдительные дачники застигнут ворюгу на месте преступления. Вот тогда и идти биться.

Но наши слушать не стали.

– Да, чего ты своих дружков деревенских всё защищаешь! – в один голос загундосили они. – Какие доказательства? Чего ловить, и так всё понятно!

Но чувствовалось, что хоть и настроены парни и девчонки решительно, идти бить деревенских им всё-таки страшно. Или ещё не появилось того стопроцентного боевого задора, когда моря и океаны по колено.

Так что я ушла, а они продолжали митинговать. Но дальше моста никуда не двигались. Обсуждали события и возмущались.

Глава 3

Правда о ворах настоящих

Я знала, что говорила. И деревенских защищала тоже не зря. Вернее, я их даже не защищала – чего невиновных-то защищать? Раз и так ясно, что они ни при чем.

Дело в том, что именно я, я, Варя Тобольцева, знала этих преступников! Я их знала в лицо! Вот.

Да. Это были соседи. Наши соседи со стороны курятников – именно они промышляли воровством с участков.

Всё-таки хоть чем-то полезным ознакомились мои ранние-преранные подъёмы. Владею информацией я одна.

Если рано – так, как я, подняться, махинации воришек можно проследить. Надо только осторожно стоять возле нашего забора и смотреть в большую щель, которая образовалась между расщепившимися досками. Выходит бледным утречком из своего чахлого дачного домишки Парасолиха (это так называется соседка – жирная, но шустрая, как электровеник, тётка) берет пластмассовое ведёрко блёклого такого, маскировочного цвета, одевается сама эдак неброско, командует «Вперёд!» своему Парасолу (по фамилии они Парасоловы).

И тихонечко так пробираются они на чей-нибудь участочек. То есть не на абы чей – а на такой, где выросло что-нибудь необыкновенно урожайное и качественное: клубника, черешня, вишни, огурчики... И ещё, конечно же, хозяев этого самого участка, не должно быть дома. А для этого Парасолиха с Парасолом весь вечер туда-сюда вдоль и поперёк дачного посёлка мотаются, очень ненавязчиво заглядывают за заборы, высматривают, выведывают. Тоненьким дружелюбным голосочком Парасолиха спрашивает у наивных дачников: «А когда ж вы домой, в город поедете? А когда же вернётесь?» И быстренько тут же то на погоду, то на международное положение сворачивает. Люди рассказывают про свои урожаи, выдают секреты, кто когда уедет и вернётся – так что Парасолам и карты в руки.

Наступает утро. Кого надо, они уже вывели, нужные объекты наметили. Умело и осторожно Парасолиха с Парасолом забираются на оставшийся без хозяев участок, под покровом утреннего тумана обрывают, что им надо, – и вот товар для продажи на придорожном рынке готов! Лучшее они, конечно, оставляют себе, любименьким.

А иногда и в самый полдень, когда стоит звенящая жара и нестерпимо палит солнце, загоня всех в дома, под навесы и заклеивая им сладкой дрёмой и ленью глаза, Парасольчики аккуртно повторяют свои дерзкие вылазки.

Они ещё ни разу не попались!

На них никто не думает!

Только я – я одна о них знаю!!!

Разумеется, мне никто не верит. Особенно не верит бабка моя. Потому что никому, кроме неё, я о своих наблюдениях так и не рассказала. Ей вот сдуру ляпнула. И теперь жалею. Бабенции моей даже доказывать бесполезно. Не верит, что они воры, – и вот хоть ты на молекулы разложишься! Хотя она поднимается ещё раньше меня. Я поэтому вот и думаю: неужели ей ни разу не удалось увидеть их сборы в поход? Ведь не обязательно даже в щёлочку заглядывать – нужно только пройти вдоль нашего забора дальше. Он там перестаёт быть сплошным, тесовым, обычный штакетник начинается, а через него всё хорошо видно! Неужели она не замечала, как крадутся они вдоль забора, стараясь не попасться ей на глаза? Мне-то они всё равно попадают.

Правда, я прячусь ещё похлеще их – и, бывает, слежу за Парасолами до самого их объекта! Может, моя бабка их покрывает? «В доле» она с ними? Вряд ли. Вторую такую принци-

пиальную бабку ещё поискать. Она воровать не станет. Предпочитает деньги горбом зарабатывать. Своим и моим.

Но ничего. Я докажу. Я выведу их на чистую воду! И пусть моя месть ещё такая слабенькая и дохленькая, я обязательно придумаю что-то грандиозное, феерическое, и, главное, заслуженно-справедливое! Чтобы Парасоловы поняли – их воровская лавочка закрывается навсегда! А пока же я так, по мелочи их донимаю: в прошлом году с дрожжами я гениально дельце провернула, мне понравилась их весёлая беготня (весело, правда, было только мне).

Да и в позапрошлом году я тоже ничего, хорошую взбучку-нахлобучку им устроила – тогда, когда, проследив за Парасолищами до участка, на котором уродились роскошные вишни и хозяева которого приезжали только на выходные, я заперла воришек, защёлкнув на калитке навесной замок. Они думали, что самые умные – к замку ключик подобрали, но сам замок, открыв, для конспирации повесили на воротах: типа всё как и было, всё закрыто, шито-крыто! Ох, они прыгали, когда, набрав по ведру вишен, собрались выйти! Высокая калитка-то не поддавалась! Замочком-то она снаружи оказалась закрыта! Так и пришлось им, взбрыкивая задницами и подсаживая друг друга, корячиться и забираться на забор. Уже на дороге, спрыгивая, Парасолиха угодила ногой в ведро – и вишни, роскошные чёрные вишни, рассыпались по пыльной дороге!

Какой подзатыльник влепила она за это своему Парасолу! Как резво он ползал, подбирал из пыли вишни! Каким галопом неслись они до своего дома! Я следила за парочкой воровских пенсионеров, перебегая от куста к кусту. И ка-ак свистнула неожиданно на повороте – Парасол тут же из своего ведра от испуга вишнями сыпанул. Полведра, наверное, просыпал. Заметили! Догоняют! Конец бизнесу!

Шпарили они к своей даче широкими скачками – спортсмены такому мастерству позавидовали бы. И больше недели не выходили на промысел. Потом, всё же, жадность победила. Выползли. И никто их не искал, санкций не предъявлял... Бизнес у них был хороший, цветущий-растущий такой бизнес. Молодые пенсионеры Парасоловы не бедствовали. На рынке их видели регулярно, называли энтузиастами и тружениками – причём особенно те, у кого с участков они и таскали.

За это лето я уже несколько раз слышала, как вместе с другими дачниками Парасолы негодовали на то, что в посёлке процветает беспардонное воровство с участков, ругали молодёжь – и поселковую, и деревенскую, которая, конечно же, и таскала выращенное непосильным трудом, для чего и собиралась в группы тёмными ночами... Слушать этот бред было обидно. Но и доказать обратное не было возможности.

А хотелось. Очень хотелось. Потому что справедливость должна была торжествовать. И теперь вот, значит, дело вот-вот дойдет до драки. В результате которой нашим, конечно, наваляют так, что мало не покажется. А деревенские, которых подозревают ни за что, справедливо обидятся. А потому тех, кто возвёл на них напраслину, будут бить особенно тщательно.

Стоп! Деревенские. Им же тоже надо сказать, что о них думают у нас в посёлке. Вернее, не то чтобы просто сказать, а спросить, как там всё обстоит на самом деле. Они это по дачам шныряют? Или не они?.. Может, кто-то работает параллельно Парасоловым? Выяснить, всё обязательно надо выяснить!

И я, проигнорировав уборку на участке, помчалась обратно в Листвяны. На мосту уже никого не было. Я даже испугалась – битва или уже началась, или вот-вот начнётся.

Но всё было тихо. А наши перебазировались на пляжик. Я помахала им с моста. Те, кто меня разглядел, махнули руками мне в ответ. И я наладилась к деревенским.

Страшный, который, вместе со своей тачкой, первым попался мне по дороге, услышав мои вопросы, обиделся. Он как раз и общался с тем парнем, который недавно появился в деревне и на которого наши тут же подумали, что он вор. Так что за эти обвинения он сам готов был накатить кому-нибудь в лоб. Но я попросила никому ничего не накатывать.

– Делать нашим больше нечего! У нас у самих этого добра на огородах растёт – хоть обожрись! – гневно заявил Страшный. И плюнул так далеко, что плевок мелкодисперсно растворился в воздухе.

– Я понимаю... – кивнула я.

Но Страшный решил, что я ему не верю. И обиделся ещё сильнее.

– Да я пойду сейчас всех наших найду, блин! – зло сказал он. – Я со всеми поговорю. И если ваши за базар отвечают, то...

«А наши и сами не знают, отвечают они за этот самый базар или нет!» – подумала я.

В это время Страшный поддёрнул широченные штаны, доставшиеся ему явно с чужого, если так можно выразиться, плеча, крикнул и быстро покатил тележку по дороге.

– Ты на огороде? – спросил у меня он. – Мы к тебе придём.

А на огороде по-прежнему была моя неутомимая бабуля. Она вскапывала грядку под свежую петрушку, которую снова собралась сеять – очень уж зелень хорошо на рынке продавалась, а предыдущую партию она уже всю срезала.

Эх, зря я ей про Парасоловых опять пластинку завела! Бабка бросила лопату и принялась на меня орать.

– Кто – «воры»? – вопила она, надвигаясь. – Соседи наши? А ты видела? Видела, я тебя спрашиваю?

– Видела!

– Где?

– Следила! Специально!

– А поймала?

– Не поймала... – да, тут бабка, как я и думала, была права.

– Не поймала... А ты знаешь, Варька, что «Не пойман – не вор»? Так что пойдёшь докажи. – бабка, наконец, остановилась и упёрла руки в бока. – А ещё лучше, не связывайся.

– Но они же...

– А мало ли, что они? Ты же не полиция! Так что и не лезь не в своё дело. Поняла?

Я не хотела ничего ей отвечать. Сама она не полиция. А Парасолы подлые. Из-за них ведь такое начнется... А людей, у кого они жратву таскают, разве не жалко?

– Не жалко тебе людей? Да, баб? Они выращивают-выращивают, а эти хмыри у них бац – и обрывают всё! Нагло.

– А ты что против этого сделаешь?

– Выведу на чистую воду!

– Кого, Парасоловых?

– Да!

– Тоже мне, народный мститель. – фыркнула бабка. – Они давно кончились. Да и то в кино.

– Надо всем про них рассказать! – мне было ужасно обидно, что бабка почему-то упирается и вредничает.

– Ага, рассказать... В общем, Варька, так... Узнаю, что ты ходишь и болтаешь о том, чего доказать не можешь, выдеру как сидорову козу. Это, как обычно, будет больно. Понятно?

Ответить надо было обязательно. Бабка не шутила.

– Да. – покорно кивнула я.

А рука у моей бабушки тяжёлая. Очень тяжёлая. Особенно, если в ней какое-нибудь орудие наказания зажато. И характер твёрдый. Так что обещала – сделает.

Я повернулась и пошла прочь. Пусть сама тут колбасится. Со своей петрушкой...

Но вдруг она и правда с Парасоловыми в доле? Покрывает? Молчит. Бездействует?..

Ведь ведёт же бабка битву за урожай, соревнуется по объёму продаж со своими рыночными товарками? Вот, чтобы она смогла обогнать конкурентов, Парасолы с ней и делятся?..

Нет, не может быть! Не может быть, нет. Да и нелогично как-то.

Но и невиновность бабки тоже надо ещё доказать. Подтвердить ее надо. Значит, придётся следить. За всей этой хитрой братией.

Я отправилась домой разрабатывать план операции. Но на краю деревни меня окружили местные ребята во главе со Страшным. И стали возмущённо доказывать – не виноватые они, и всё тут. А кто типа в это не верит – они нюх начистят без малейшего промедления. Теперь их пришлось успокаивать и отговаривать от разборок. Да что ж такое – я прямо как голубь мира сегодня какой-то!..

Красавчик Русланчик. Надо же, за всеми этими волнениями я как-то и забыла про него. А тут вот он – попался. Их семейство вышло на прогулку и медленно плелось по неширокой поселковой улице. Гранд-дама, в смысле Русланчикова мама шла под ручку с какой-то неизвестной тёткой, скорее всего, подружкой своей, а Русланчик катил коляску с братцем.

– Здрась-сь-сьте. – обогнав эту композицию, вежливо поздоровалась я.

– Добрый день. – сдержанно кивнула маман.

Подруга повторила за ней. Русланчик тут же оживился и весело крикнул мне «Привет!». Только младенец Тимошенька никак не прореагировал. Он сидел себе в прогулочной коляске, никого не донимал воплями, а только абстрактно улыбался. Чувствовалось, что в данный момент ему всё фиолетово.

Устремляясь вперед, я не удержалась и обернулась. Ого! Русланчик смотрел мне вслед. Что, пупсик, скучно с тётками? Не радуется брательник? Не берут на Весёлую дачу? Или не пускают?..

Вся в ехидных мыслях о мальчике-дачнике я отвлеклась от своей главной цели. А надо было продумать план слежки за Парасоловыми. Эх, жалко, помощника надежного у меня нет! Отдыхала в прошлом году здесь девчонка хорошая, Анютка, на неё положиться можно было, кремень-человек. А в это лето её только в июне на пару недель привезли – и всё. Увезли в Москву. Хорошо с ней было дружить.

Другим нашим я подробностей своей операции доверять не могу. Так что придётся действовать одной.

Я взяла бинокль и полезла на дерево. Отсюда, с высокой густой лиственницы, которую лет тридцать назад посадил мой дедушка, видно всё очень хорошо, полпосёлка точно можно рассмотреть – особенно то, что деревьями не скрыто. Тут, на лиственнице, среди веток, у меня наблюдательный пункт, я даже площадочку из досок соорудила, лежи себе, смотри. На три стороны всё видно – а меня нет.

У Парасоловых на участке тишина. Но замок на двери не висит. Может, в домик забились? Отдыхают от трудов? Подождём.

А что в окрестностях?

Так, наша Машка Кафтанова куда-то попылила. С сумкой. В магазин – ежу понятно. Посмотрим... Так и есть! К нему наладилось. А вот и Борюсик выруливает! Тоже мне – жених. Я знаю Борюсикову тайну: в этом году он красотой вдруг озадачился. Собственной, конечно же. Он ходит вокруг посёлка, выискивает траву чистотел, а потом забивается ото всех подальше в укромный, заросший малинником угол своего дачного участка, вытаскивает из кармана зеркала – и, глядя в него, начинает аккуратненько прижигать наливные прыщи соком чистотела! Сок жёлтый, похож немножко на йод, так что следы Борюкиных манипуляций остаются видны. Поэтому весь этот день он никому из ребят не показывается: и напрасно Кафтанова бродит мимо его дома и бросает призывные взгляды на окна. Борюсик лечится – чтобы предстать перед той же Кафтановой гладколицым принцем.

Прыщей, и правда, с каждым разом на его физиономии становится всё меньше, уже не кажется, что по ней прокатился туда-сюда глумливый бульдозер.

Но Машке Кафтановой, похоже, Борян и с прыщами нравится. Хотя сама же сначала над ним смеялась, когда я его «Бульдозей» называла. А потом вдруг смеяться перестала. И, вроде того, даже обиделась на меня из-за него. Хотя чего на правду обижаться, не понимаю?..

Так, ладно, эти поцеловались, отскочили друг от друга и потрюхали по дороге. Конечно, как им не отскочить – навстречу очередное отдыхающее семейство с коляской выкатилось. Боятся Кафтанова с Борюсиком огласки. Примем к сведению.

Ну-ка, вернёмся к нашим Парасолам. Тишина. Без изменений. А вот на берегу речки, возле «тарзанки», снова какой-то оживлённый тусняк. Неужели снова драку обсуждают? А что же это тогда Борян не там? Из-за Машки своей? Какая ж драка без Боряна?

Ну-ка, а что там деревенские? Не движется ли на нас из-за моста их дикая дивизия? Или сейчас наша всё-таки на них рванет?..

– Варя! Варька, зараза, разударь тебя пролик! Ты где?

...Да что ж это такое-то? Бабка орёт. И когда она успела с огорода припылить? Вот ведь женщина на батарейках.

«Ты почему не убралась – грязь кругом – бумаги – мусор – ты хочешь, чтобы люди от нас съехали – за что они деньги платят – совсем ни черта не делает – где ты, зараза такая?...»

Пришлось слезать. И убирать участок идти. Правда, что-то наши отдыхающие невероятно замусорились.

Я долго наводила чистоту на стороне Мурзиковых. А когда, увлакивая от них чёрный пластиковый пакет отходов, оказалась на широком газоне Русланчиковых, снова столкнулась с их старшим мальчиком. С самим Русланчиком, то есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.